

РЕЛЕГІЯ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Передо мной тонкая школьная тетрадь. Читая ее, не-
трудно понять историю сделанных в ней записей. После кон-
чины старца Пековского-печерского монастыря, его духовная
дочь, пожилая женщина бесхитростно описала встречи с не-
росхимонахом Симеоном. Потом записанное ~~пересказано~~
~~пересказано~~ прочла верующим, которые тоже зна-
ли старца; они также захотели, чтобы и их свидетельства
вошли в эту тетрадку, — и перед нами "фольклерное" жи-
тие святого человека. Читаем — и узнаем, что быт русского
монаха-схимника не изменился: старушка келейница, само-
вар на столе... — все, как у Достоевского, вернее, как в
старой русской церкви, и глубокая пронизательность правед-
ника в вопросах казалось бы далекой и неизвестной для мо-
настырского жителя жизни. Симптомы душевного кризиса и
простые спасительные советы, горячая потребность во внима-
нии — и оправдание надежды.

В каждом обществе, в соответствии с его культурой, и
сохраняющимися традициями, есть представление о чудесных
возможностях, дарованных некоторым его членам: знахарям и
гуру, священнослужителям и мудрецам, мистикам. Материалис-
тическое мировоззрение отвергает такие возможности за ин-
дивидами, как не допускает возможности духовного кризиса
у человека, живущего нормальной социальной жизнью. Но
церковь в России жива, жива и потребность в чуде и глубо-
кая горячая вера в духовные возможности христианских пра-
ведников. Внимательному читателю житие неросхимонаха Си-
меона даст многое для понимания живых народных токов,
питающих церковную духовную культуру, — питающих столетия
назад и сегодня. Но сегодня, возможно, эти токи виднее
и в некотором смысле отчетливее.

М. Смирнов

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИЕРОСХИМОНАХА СИМЕОНА

ВОСПОМИНАНИЯ

СОВРЕМЕННОКОВ ОБ О.СИМЕОНЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИЕРОСХИМОНАХА СИМЕОНА

/Псковско-Печорский монастырь, г.Печора Псковской обл./

Родился о.Симеон в дер.Яковлевская Островского района /ныне Пушкинского/ Псковской области в 1869 году 1 марта от родителей Иоанна и Натальи, при крещении назван Василием. Родители его были верующие и богобоязненные люди и воспитали сына своего в страхе Божию, в повиновении и послушании родителям.

Р а с с к а з о . С и м е о н а

Тих я в доме своего отца. Помню, в семилетнем возрасте, как в дом отца приезжал о.Корнилий, монах Критецкого монастыря. Иногда он ночевал у нас и ложился спать всегда со мной, и бывало говорил мне: "Будешь ты монахом, будешь старцем великим". Иногда он брал меня на сбор. "Вася, вот здесь не дадут, а вот здесь подадут нам", - говорил он, так всегда и бывало. И многое другое говорил он, но я уже забыл.

В 10 лет я пас лошадей и слышал, как люди рассказывали про жизнь отца Серафима Соровского, чудотворца, как он молился на камне в лесу. Вот и задумал подражать ему. Нашел в поле большой камень и стал на нем молиться.

В возрасте 12-13 лет ежегодно ходил со своими родителями в Печорский монастырь помолиться, и так мне все нравилось в нем, и так хотелось остаться в нем навсегда. Когда мне исполнилось 20 лет, стал я просить отца, чтоб отпустил он меня в монастырь, но он и слушать не хотел: "Женить тебя надо, а не в монахи". Я тогда еще ответил: "Не хочу жениться и не буду никогда..." Так про-

должалось много лет. Отец разрешил мне выстроить в усадьбе дачу, может быть, он хотел меня женить и выдти из дома. Я жил впоследствии в нем, молился каждый день. Так продолжалось до 25 лет.

Жил в нашей местности в это время старец Симеон — так звали его наши деревенские люди и считали его за блаженного. Этот старец приходил в дом моего отца, родители принимали его, и он оставался иногда ночевать у нас. Однажды я решил спросить его совета и благословения идти в монастырь; но он не дал мне никакого ответа. Пришел он как-то и говорит отцу: "Я пришел к тебе умирать"; я подхожу к нему и говорю: "Батюшка, благослови меня в монастырь". А он взял веревку, свернул ее в жгут и давай меня бить и гнать из дому, во двор, со двора на улицу, и гнал вдоль улицы за деревню, а потом вернулся к нам в дом, сел на лавку, затем лег — и умер. Люди, видевшие это, поняли так, что он выгонял меня из дома в монастырь, но отец по-прежнему не хотел отпустить меня. Потом он смирился и отпустил.

По прибытии в монастырь я был принят о. Мефодием, бывшим в то время наместником монастыря. Он взял меня к себе в кельи. Жил я в настоятельском доме наверху. Пробыл у него в кельях 7 лет и, кроме келейного послушания, нес еще одно общее — монастырское, как и вся братия. В это время строили за монастырскими святыми воротами гостиницу для приходящих и приезжающих богомольцев. Некоторые из братии работали здесь с 5 часов утра и до позднего вечера, и так продолжалось 5 лет. В продолжение этого времени мне мало приходилось спать в постели, большей частью я засыпал сидя за столом, за книгой; бывало, проспичь так до утра, когда уже надо идти на работу. Летом молодые послушники-монахи, после работы, собирались отдыхать на свежем воздухе на Святой горе, в саду, и всегда меня приглашали с собой, но я отговаривался и уклонялся от их бесед, имея в виду то, что наместник дал послушание сделать то или другое, так как я имел специальность столяра-краснодеревца. Я имел свой столярный верстак и инструмент, а также токарный станок по дереву, мог вытачивать разные вещи и в свободное время. Таким образом я оправдывался от собеседования с братией.

Со времен преподобного Корнилия у нас был установлен крестный ход, с чудотворными иконами, в Псков, Изборск, Остров, Качаново, Палкино и другие места Латвии и Эстонии, в память победы над Баторием и другими народами, нападавшими на нашу родину. В память чудесного заступления Божией Матери, ее образа Успения и образа Умиления. Крестные ходы назначались по указанию и расписанию правящих владык Псковской епархии. Местным наместником для этого назначались: иеромонахи, иеродиаконы, послушники, монахи с чудотворными иконами, на совершение молебнов, а также певцы и охраняющие святые иконы. Монахи и руководящие крестным ходом, на котором иногда и сам наместник с приходом на служении Божественной Литургии присутствовал, и брал меня с собой, так как я был его иеродиаконом. Он любил меня за голос, громкий тенор. Ночевали в деревнях у прихожан, ели что было приготовлено. Скотет бывало наместник: не глумайся — что подадут, то и кушай. Ибо Господь сказал ученикам, чтобы они ели то, что им подадут в доме, где они находились, на это Он дал благословение. Однажды наместник при разговоре со мной, в конце его жизни, сказал: "Я скоро умру, в день Пасхи, но не дома, а когда меня привезут и будут брать мое тело, то на один час будет от меня запах тления, а когда вынесут в Пещеры, то запах прекратится". Его предсказания исполнились в действительности. На Страстной неделе отец Мефодий был вызван в Питер в святейший Синод, там он заболел и умер в первый день Пасхи, и все, что он сказал о себе, исполнилось в точности. Когда гроб везли в Печоры, то запах тления прекратился, а когда внесли в монастырь и в церковь, то от его тела исходило благоухание. Когда он говорил о смерти, то упомянул, почему на время от его тела будет запах тления: "Это потому, что меня люди везде хвалили. Вот Господь и хотел смирить меня этим запахом по смерти, чтобы я не превозносился".

Отец Мефодий похоронен в Пещерах монастыря, где и его сестра, схимонахиня Анна. После смерти о. Мефодия меня перевели из настоятельского дома под трапезную, около ворот, я был в то время иеродиаконом. Псковской епархией управлял архиепископ Арсений, впоследствии митрополит Новгородский, который иногда приезжал в монастырь для служения и по другим делам. Однажды, проходя мимо моей кельи, заметил он в окнах цветы и занавеси и спросил сопро-

воздавших его иеромонахов: "Кто живет здесь?" Ему говорят: отец Вассиан, иеродиакон. "Это он не по-монашески живет, позовите его сюда". Я подхожу, весь трясусь, и бух ему в ноги: "Простите, ваше преосвященство". Он говорит: "Ты как красная девица живешь, а не как монах". — "Простите, люблю я цветы как создание Божие и чистоту". А потом, наедине, и говорит он мне: "Молодец, так и живи. Лучше в чистоте, чем в грязи".

Против несколько лет в чине иеродиакона, я был посвящен в иеромонахи, после чего вскоре меня назначили в Исков в Святогорский монастырь — это было подворье Владыки дачное место — в качестве эконома для воссоставления монастырского хозяйства. Против там четыре года, вплоть до революции, при епископе Евсевии, вернулся я обратно в свою обитель. Мне было тогда сорок шесть лет. Пробыв некоторое время в монастыре, я был назначен в другое имение монастырское, Мустовщеву, в 25 километрах от монастыря, в сторону Латвии. В этом имении пришлось пробыть несколько лет. Было очень много трудностей, не вылезал из лаптей! Нужно было почти вновь воссоставлять все хозяйство. Первым делом нужно было храм выстроить во имя Иоанна Крестителя Господня, церковный дом, хозяйственные постройки, сарай, скотный двор и прочее. Нужно было наладить земледелие, чтобы оно давало какую-то пользу монастырю. На это потребовалось много лет. Когда дело пошло на лад, возвратился я в монастырь. Начальство монастыря хотело возложить на меня большое бремя послушания — поставить наместником монастыря. Видя, что послушание это мне не под силу, я стал отказываться, к тому же я очень устал и стал на этом основании просить схиму, в чем мне в первое время отказали и настаивали, чтобы я принял наместничество, но я наотрез отказался, еще и от внутреннего решения принять схиму. Но на это упорно не соглашался епископ Иоанн Булин, но наконец все же согласился и разрешил постричь меня с именем Симеона в память Симеона-Боготриимца /15 февраля/, и перевел меня в келью рядом с храмом Успения Божьей Матери, куда привел меня сам и сказал: "Вот тебе келья, здесь и умрешь". В действительности эта келья представляла нечто ужасное: грязная, мрачная, сырая, темная, стены мокрые, песчаные, воздух сырой; одна комната с одним оконцем,

размер комнаты 3x5 м, с длинным темным коридором 2x10 м. Пришлось установить три печи, провести трубы вдоль коридора, чтобы оштукатурить, побелить — и все это почти своими руками, но с Божьей помощью преодолел и смирился.

Но это еще не все. Враг рода человеческого не оставляет в покое человека, в особенности тех, которые решили последовать Христу, идти его крестным путем. По прибытии в новую келью, в которую меня привел настоятель и где мне пришлось первую ночь ночевать одному, приступили ко мне злые духи, заполнили всю келью, страшные такие. Я их раньше никогда не видел и страшно испугался, и не знал, что делать. А они начали на меня кричать, ругать, гнать, говоря: зачем ты сюда пришел? уходи отсюда! все равно мы не дадим тебе здесь жить! Я закрыл лицо руками, чтобы их не видеть, а сам трясся от страха и говорил только: "Господи, прими дух мой". Думал, что и не переживу этой страсти, от которой я даже не мог перекреститься. Во втором часу ночи они скрылись, а я не мог уже уснуть. Такие страхи продолжались много раз, но мне они уже не так были страшны. При помощи Божией, как в первое время, я научился отбросить их силой креста и молитвой. Вот так дожил я до конца моей жизни в этой келье, по благословению Епископа Иоанна. Труден путь монашеский, но труднее подвиг схимнический, если идти так, как указал нам подвигоположник Христос, Господь наш. При помощи Его Всесвятого Духа все возможно победить, перенести, перетерпеть, и достигнуть желанного обещанного нам Его неизглаголенного вечного наследия в Его царствии небесном.

Последние дни жизни иеросхимонаха Симеона

по рассказам очевидцев, духовных чад батюшки

и матушки Александры, находившейся при нем ежедневно

Видели его подвижническую жизнь, в общении с приходящими к нему людьми со всеми своими душевными и телесными немощами. Батюшка всех принимал, и при помощи Божьей никто не уходил от него неутешенным. А приезжали с разных мест нашей родины.

За три дня до смерти батюшка лежал на кровати, повернувшись лицом к стене, там висели стенные часы, которые в это время пробили, и батюшка сказал: "Благодарю вас, часики, что верно вы мне служили во всю мою жизнь, и я никогда не проснал ни к службе Божией, ни на послушание". Затем стал он благодарить Бога и Пречистую Его Матерь, говоря: "Вы во всем мне помогали, Вы всегда были со мной, я любил Вас и Святую Вашу Обитель". "А теперь я перехожу в неведомый мир. Как-то Вы меня примете?" И зарыдал, как ребенок, и стал просить Господа, чтобы Он простил ему все грехи, содеянные им в жизни. Долго он неустанно плакал. Присутствующие при этом, слыша все это, сами плакали и свидетельствуют перед Богом о сем.

Тут же батюшка стал вспоминать, как он работал в саду и видел в каждом листочке Самого Господа, и что было ему радостно с Господом.

За три дня до смерти о. Сimeона матушка Александра не смогла вычитать ему с утра правило, так как он благословил ее нечть просфоры. Через некоторое время она вошла в келью и посетовала, что батюшка в этот день не причащался Святых Тайн. На это батюшка смиренно ответил: "Да, не причащался". В час ночи мать Александра освободилась, батюшка благословил ее на отдых. В три часа ночи она снова вошла в келью узнать, как себя чувствует батюшка, и видит: он светлый, как солнце, и говорит ей: "Я уже причащился". Видя ее удивление, батюшка добавил: "Приобщился сам, а чапу чудесным образом принесли". После этой ночи отец Серафим каждый раз в два часа ночи приходил и причащал батюшку. Однажды батюшка сказал, что лукавый каждый день приступает со своими законами и спрашивает, зачем он ежедневно причащается Святых Тайн.

За несколько дней до смерти батюшка сидел в своем кресле напротив аналоя, держа руку у сердца, говорил: "Матерь Божия, вот тут болит". Это увидела и услышала вшедшая мать Александра и посчитала за молитву перед образом Божией Матери. Она вышла на кухню, чтобы не мешать молитве; сидевшая там духовная дочь батюшки сказала, что какие-то гости прошли сейчас в келью батюшки — высокая женщина в необычном одеянии, игуменья, и с нею двое мужчин. Удивленная мать Александра возвратилась в келью,

оставив дверь открытой. "Она права, — ответил батюшка на ее вопрос, — что видела входящих, и ты права, что не видела никого". И потом сказал: "Были у меня Матерь Божия и апостолы Петр и Иоанн, и спрашивали, где у меня болит..." "Это уже не в первый раз Матерь Божия посещает меня грешного". Спустя некоторое время батюшка сказал, что был сонм Угодников Божиих. На вопрос, на кого он их покидает, батюшка ответил: на Матерь Божию, и наставлял любить друг друга, прощать обиды, так как ненависть хотя бы к одному человеку ведет к смертному греху. "Надо так прощать, чтобы человек знал, что ты ему простишь. За дары монастырю Матерь Божия сторицею воздаст, а кто монашеское раздает мирянам вещами или деньгами, тому нет прощения от Господа. "На каком суку сидит, вот сук и подтачивает, сук упадет, и сам с суком тоже. Не будут прощены грехи тем, кто братию свою поносит и расточает монастырское добро". Затем сказал матери Александре: "Ничего не бери монастырского, ты скоро после меня отойдешь ко Господу, приобретай более духа Святого".

По откровению от Господа батюшка ждал смерти 15 января 1960 г., в день преподобного Серафима Саровского, но по послушанию отца наместника отца Алипия умер 18 января. С 5 часов утра стали приходить к батюшке наложники, он сидел в кресле, так ему легче было дышать. Батюшка всех благословлял, говорил время от времени, что смерть подходит ближе к груди. Около десяти часов утра он лег на кровать, лицом к аналою, положив левую руку под голову. В это время пришли под благословение две женщины, батюшка положил руку на голову сначала одной, потом другой, глубоко вздохнул и утих. Это наступила смерть. Все присутствовавшие чувствовали скорбь и радость, что обрели еще одного молитвенника у престола божия.

За два дня до кончины пришел я попрощаться с батюшкой. Я просил его помолиться за нас. Он ответил: Если буду иметь дерзновение перед Господом, буду молиться.

Принесли мне жизнеописание старца. И я, после всех послушаний и вечерних молитв, стал читать, прочитал почти все и вдруг задре-

мах. И набросились на меня бесы разные с телячьими головами и с коровьими рогами, страшные, каких я никогда не видел. В испуге я закричал: Господи Иисусе Христе, спаси меня! — стал креститься, повторяя: Господи, по молитвам отца Симеона спаси меня! И стали они отходить от меня, только один из бесчисленного количества их, со странным взглядом, лезет ко мне. Начал я его крестить, и он исчез. Я проснулся, дрожа от страха, крикнул: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня молитвами батюшки Симеона.

И мы уверены, что старец наш обрел дерзновение перед Господом и молится за нас. Это мы чувствуем, когда служим у гроба его панихиды в пещерах. Как легко и радостно бывает тогда на душе, и весь день проходит празднично.

Замечательно, что многие из духовных детей батюшки находились на большом расстоянии от Печор, и в тот день и час почувствовали, что на земле нет уже его...

Одной духовной дочери З., находившейся на курорте, 18 января во сне Ангел указал путь батюшки на небо. Другой, находившейся в храме, во время пения "Ныне отпущаеши" пришла мысль, что батюшка тяжело болен, не пошел в церковь, а Ангелы ему поют "Во Иордане крещашуся..." Когда они приехали в Печоры, стало известно, что перед смертью батюшка говорил, что пришли ангелы и пели ему. Одной духовной дочери батюшка в Рождество Христово сказал, что он скоро умрет и она его больше не увидит. "Не плачь, приедешь последняя". Так и вышло: она чудесным образом узнала о смерти батюшки и ей достался последний билет на Псковский поезд. Так, чудесным образом, со всех сторон были собраны духовные дети батюшки, чтобы присутствовать на погребении почитаемого ими отца Симеона.

Впервые я услышала о Псковско-Печорском монастыре от своей сотрудницы. Она была в Печорах и рассказывала, что это древняя крепость, и там расположен монастырь. Очень красивая местность, в монастыре много цветов. В монастыре есть старец-духовник, ему 90 лет. Приезжающие идут к нему на благословление, и всех он принимает ласково и приветливо, многим помогает советами, излечивает

болезни и читает в сердцах людей. И он сказал, что она не будет одинока в старости, несмотря на то, что у нее нет никого из близких. И действительно, когда она умирала, к ней много приходило людей, помогали чем могли, и похоронили ее, как она хотела. Я была очевидицей ее смерти.

Я решила послать в Печоры посылочку, потом послала еще деньги, и получала ответы. Так завязалась переписка. Я стала писать о своей жизни и невзгодах. В то время /1957-1958 гг./ у меня очень был мут, и я беспокоилась, когда его долго не было дома. Отец Симеон советовал мне молитвой возвращать мужа домой. Я писала ему также о священнике нашей церкви, отрекшемся от веры в Бога, чем я была очень огорчена. На это мне о.Симеон ответил, что у Иисуса Христа было 12 учеников, и если один оказался предателем, то остальные одиннадцать остались верными. И если священник служит недостойный, то за него служат Ангелы.

Отец Симеон посылал мне иногда листочки с проповедями или из писания святых отцов. И все это впоследствии оказалось к случаю. Я вспоминала то, что было сказано в этих листках, и это совпадало с жизнью близких мне людей или относилось прямо ко мне.

Наконец, в марте 1959 года я с одной моей знакомой поехала в Печоры. Отец Симеон жил в маленьком домике рядом с Успенским храмом. Домик побеленный, с зеленой крышей, одноэтажный, два оконечка., почти у самой земли. Через длинный коридор попали мы в низкую темную комнату, на выступе толстой стены стоял большой кипящий самовар, в правом углу столик, под иконами, дальше небольшой диванчик, где сидело несколько человек, ждали очереди попасть в келью к о.Симеону. Нас встретила монахиня Александра, симпатичная пожилая женщина, очень приветливая и расторопная. Спросила, откуда мы, стала угощать чаем. На столике были булки, варенье, баранки и многое другое; угощали всем, что было и что приносили люди, а оставшееся отправляли в трапезную. За стол садилось 2-3 человека по очереди.

Я спросила у матушки Александры, что надо говорить батюшке. Она ответила: "А ты думай свое, он сам все знает, и что надо - скажет". Вот и мы вошли в келью, батюшка плохо себя чувствовал и лежал на узенькой кровати /ему в марте исполнилось 90 лет/. Келья

небольшая, узкая. В правом углу аналой, перед иконой с иконами теплились лампадки, в левом — столик и тоже образа. Два стула и против кровати — кресло. Все очень просто и в то же время в келье очень уютно. На полу половики.

Мария поклонилась батюшке и стала с ним разговаривать, а я села на стул рядом с кроватью и молчала. Он взял меня за руку. Я думала о себе, о дочке, о своем муже, от которого я очень страдала. И вот, как бы отвечая на мои мысли, батюшка стал что-то бормотать, я поняла только: "Женятся, разводятся..." Действительно, так и было: я развелась с мужем, а дочка была за разведенным и впоследствии тоже развелась.

На другой день я исповедовалась в келье у батюшки, исповедовалась как никогда в жизни, искренне, со слезами, долго; батюшка сам напоминал мне о забытых грехах моих. Когда я вышла из кельи, мать Александра удивлялась, что никто не помешал, а ведь всегда бывает народ.

С тех пор я часто бывала у отца Симеона, просила его молиться за мужа, который очень сильно пил. О.Симеон ответил мне: "Молись лучше о себе". Вскоре муж мой тяжело заболел, о вине уже не могло быть и речи. Мне понадобилось много сил, чтобы ухаживать за больным. Но и тут Господь меня не оставлял. Носил людей, которые мне помогали. В течение пяти лет муж был три раза при смерти, я уговаривала его и он причащался, и каждый раз после этого поправлялся. Умер он с покаянием и с молитвой на устах.

До смерти о.Симеона в 1960 году я несколько раз приезжала в Печоры, много раз бывала у батюшки, беседовала с ним, и каждый раз получала утешение и помощь во всем. Жизнь моя становилась все лучше и спокойнее. Мы жили в квартире с одной соседкой, кухни не было и готовили в ванной на электроплитках. Знакомые говорили: "Вот бы вам такую квартиру" — в ней было светло, уютно и вид на Неву. Через несколько лет пожелание это и мечта сбылись. Соседняя комната была переделана в кухню, и нам осталась отдельная квартира. Я так и считаю, что это — подарок от батюшки о.Симеона.

Для меня о.Симеон и теперь как живой. Приезжая в Печоры, я иду к его могиле, мысленно говорю с ним, и знаю, что он слышит и

молится за нас. Я вспоминаю о.Симеона всегда как живого. До чего же ясная была у него голова, трезвый ум, веселый и приветливый нрав! Простота в обращении, глубокая мудрость, приветливость к людям.

Батюшка учил честно относиться к труду. Кто любит труд — это дар Божий. Еще говорил: "Честное отношение к труду надо ставить на первое место".

Батюшка всегда предлагал своим чадам выпить у него стакан чая, и люди по молитвам о.Симеона, через монастырскую воду очищались от своей окверны.

Отец Симеон скрывал свою благодатность Святого Духа, и многие не подозревали, что через прикосновение батюшкиных рук они получали исцеление от своих недугов.